

НАДЕЖДА НЕЛИДОВА

ЖЕСТОКИЕ
НРАВЫ

АННА-ВАННА
И ДРУГИЕ

Микс из комических, драматических и трагических реальных историй. Действующие лица: хамоватые рыночные торгаши, террористы, охранницы, гастарбайтеры, барабашки, портнихи, домработницы и даже работники мужских сексуальных услуг (МСУ).

Надежда Нелидова АННА-ВАННА И ДРУГИЕ

ГОСПОЖА ГЕКСОГЕН

Есть два мудрых народных изречения, взаимоисключающих друг друга. «Бережёного Бог бережёт». И: «Кто чего боится, с тем то и случается». Бережётесь вы от того, чего боитесь. А раз боитесь, с вами именно это и приключается. Всё логично. Выходит, первым утверждением вы как бы притягиваете второе.

Я, например, жутко боюсь взрывов. У меня прямо фобия вспышек, грохота и взрывной волны. В детстве мама повела меня в кинотеатр на фильм «Война и мир». Яркие, красочные кадры боя, свист пушечных ядер, пламя, дым, кровь, стоны...

Ночью я переполошила всех криками. Мне казалось: это меня разрывает на тысячи кусочков, это я задыхаюсь и обливаюсь кровью. Папа сердито выговаривал маме: «Водишь ребёнка на взрослые фильмы».

В нынешнее время в теленовостях иногда показывают просевшие, обрушенные подъезды многоэтажных домов — то, что осталось после взрыва бытового газа. Фома Неверующие скептически комментируют эти кадры: «Разве

может утечка из обычной газовой плиты устроить такие разрушения?»

Ого, ещё как может — проверено на собственном опыте. Я тогда сидела в декрете с двухлетним сыном, по хозяйству мне помогала знакомая пенсионерка Римма Андреевна, милая, хлопотливая и общительная женщина.

Я пошла готовить обед, включила газ и сразу поняла, что совершила промашку. Под кастрюлей не заплясал весёлый голубой венчик, а невидимый газ свистел и шипел — казалось, сразу отовсюду.

Надо сказать, что мы только-только въехали в новостройку. Плита была новенькая, малознакомая, плохо освоенная, выключатели располагались в непривычном для меня порядке.

Я растерялась, заметалась, засуетилась, принялась в панике вертеть все выключатели подряд, хлопать дверцей духовки, нюхать горелки и все конфорки по очереди. Газом уже пахло довольно сильно.

Как, по женской логике, следует искать источник утечки газа? Дураку ясно: зажжённой спичкой. Чего непонятно-то: где спичка вспыхнет — там и утечка. Странно, что нам, двум взрослым женщинам, не пришло в голову повернуть краник на трубе. Ну ладно Римма Андреевна — у неё всю жизнь электроплита, а я на днях прошла в горгазе инструктаж.

Я не предполагала ничего плохого: прошло всего с полминуты, как зашипело и засвистело. Зажгла спичку, поднесла по очереди к четырём конфоркам. Римма Андреевна с ребёнком на руках на всякий случай отступила в коридорчик и оттуда наблюдала за моими действиями.

Спичка потухла, пришлось чиркнуть новую, я нырнула с головой в духовку... Я ничего не успела понять.

«Ф-фу-ух!» Сильный горячий порыв ветра пронёсся над моей головой, зашевелились на макушке волосы. Что-то упало с подоконника и покатилося по полу, звонко лопнуло тройное стекло в форточке, посыпались осколки. Заплакал маленький сын...

Что я помню: совершенно белое лицо выглядывающей из коридорчика Риммы Андреевны. Довольно долго мы с ней, бессмысленно вытаращившись, смотрели друг на дружку... Потом, наконец — поворот газового краника, оханье-аханье, проветривание, подметанье стёкол.

Римма Андреевна рассказывала потом, как не удержалась и поведала о случившемся своему приятелю. И как тот слушал, ужасно нервничал и, чтобы успокоиться, опрокидывал стопку за стопкой. Молотил кулаком по столу, так что посуда прыгала, и шестиэтажно матерился:

— Ну, ладно, та — дура молодая. А ты-то, старая (трам-тарарам), каким (трам-тарарам) соображала, так твою (трам-тарарам)...

Римма Андреевна рдела девичьим румянцем, потупляла глазки и кокетливо признавалась: «Я такого мата в жизни не слышала».

Прямо в руках взорвался китайский термос. Он прослужил 28 лет, но я не знала, что термосы могут взорваться: от старости, от микроскопической трещинки, от усталости стекла.

Он был такой низенький, широкогорлый. В нём было удобно запаривать кашу: здоровое питание. С вечера засыпаешь крупу, заливаешь кипятком, сахар-соль по вкусу. И утром тебя встречает кашка нужной консистенции и температуры. С маслицем за милую душу.

Я отвинтила крышку и приготовилась вывалить дымящуюся кашу в тарелку. Короткий звучный хлопок. Сморгнула стеклянную пыль с ресниц. Веки будто припорошены серебряными тенями, да всё лицо в посверкивающей пудре. Пол в радиусе полутора метров усеян осколками. Некоторые, воткнувшиеся в половицы, пришлось выковыривать: так прочно застряли.

Вот это взрывчик! Только потом узнала, что стеклянные термосы — это непредсказуемые вакуумные бомбочки, в любой момент готовые

сработать у вас в руках. Так что будьте осторожны!

«Фу! Чем так пахнет? Кто к нам приходил, какие-то дядьки-алкоголики?!» — «Не выдумывай, никого не было!»

Хотя, действительно... Стоял странный, крепкий, застарело кислый запах — такой бывает от грязных, засаленных, не знавших стирок мужицких телогреек. Будто в наше отсутствие нам в прихожую нагнали, не в обиду будь сказано, целую бригаду немытых, хорошо поддавших работяг.

Муж помрачнел: наверно, задумался о бригаде дядек, побывавших в его отсутствие. И пошёл перекурить это дело в подвал.

Наверху пахло значительно меньше. Сын сразу побежал в спальню к компьютеру. Я включила в кухне свет, зажгла газ, поставила разогревать ужин, мурлыча под нос и одновременно размышляя о природе странного запаха.

И вдруг почувствовала тянущий снизу сильный сквозняк. В кухне появился, с очень странным лицом, муж и сообщил — тоже странным голосом и почему-то шёпотом — чтобы я немедленно гасила плиту, отключала холодильник и вообще не врубала никакого электричества. Шёпотом: «Иначе! Мы! Взлетим! На воздух!»

— Выводи сына на улицу! Открой все окна и двери, — командовал он. — И не ходи в подвал —

надышишься.

Разумеется, я тут же помчалась в подвал. Там слоисто плавал синий туман, плотный — хоть ножом режь. Прямо в глазах и в носу резало и щипало от кислотности. И это несмотря на то, что вентиль на трубе уже был перекрыт и окна распахнуты настежь.

Послали сына к соседям, а сами, закутанные в пальто, принялись искать причину аварии. И нашли довольно быстро, отвинтив большую круглую заглушку в дымоходе. Колено трубы было под завязку забито жирной сажей.

До сих пор весь нагар от дров и угля скапливался на стенках дымохода, не давая о себе знать. И вот под собственной тяжестью, набухший от весенней влаги, он рухнул вниз. Огонь в котле задохнулся, а газ продолжал поступать.

Это, несмотря на автоматизированную систему защиты и отключения в таких вот аварийных ситуациях — в их абсолютной надёжности уверял в паспорте производитель котлов.

Мы выгребли два ведра сажи. Профессии трубочистов отмёрли навсегда — по крайней мере, я не нашла таковых по объявлениям. Для профилактики каждую весну мы постукиваем по дымоходу, заглядываем внутрь и скребём совком. И только муж иногда сокрушается и ломает голову:

«Ну почему, почему не сработала защита?!»

Все мы помним о череде террористических актов осенью 1999 года. Они убили и оставили без крова сотни невинных людей в Москве, Волгодонске, Буйнакске. Тревога в словах, тревога в глазах людей, тревогой буквально был пронизан воздух вокруг.

В нашем городе в ту тревожную осень организовали чрезвычайную комиссию и каждую неделю отчитывались о принятых мерах. Звучали предложения: по примеру москвичей, организовывать ночные дружины и охранять дома и дворы. Жэкам вменили повыгонять из чердаков и подвалов бомжей и подростков-нариков, повсюду развесить амбарные замки.

Мы жили на втором этаже длинного, загнутого буквой «Г», девятиэтажного дома. И вот однажды я выглянула в окно спальни, выходящее на улицу — и прямо под нами обнаружила невесть откуда взявшуюся машину. Старую, облезлую, с продавленной крышей, с разбитыми фарами.

Её приволокли по заснеженному газону (или сама на последнем издыхании приехала) и поставили вплотную к стене. В прямом смысле вплотную: машина упиралась ржавым «лбом» в кирпичную кладку.

Ну, стоит и стоит. Я занялась своими делами.

И вдруг меня осенило... До меня дошло... Сколько живу в этом доме — такого странного способа парковки не припомню.

А что, если кто-то... Кто-то задумал взорвать наш дом?! Сколько взрывчатки в тротиловом эквиваленте поместится в машине? Это тебе не сумка, не рюкзак, не газетный свёрток в урне и даже не мешок с гексогеном. Рванёт так, что мало не покажется. И машина старая — не жалко. Всё продумали.

Позвонила мужу на работу, поделилась сомнениями. «Брось, не выдумывай. Насмотрелась новостей». Какая преступная халатность!

Я села обзванивать отделы и комиссии, так или иначе связанные с антитеррористической деятельностью. У них были разные длинные и сложные названия — дело давнее, теперь и не вспомнить.

Как и следует таким организациям, мне отвечали суровые красивые мужественные голоса. Но как только я заговаривала о своих подозрениях, суровые голоса на том конце провода — было слышно — теплели и улыбались. Переспрашивали: «Машина? Под окном?»

Подтексты читались самые разные. «Навыдумывала, дурашка!» «С фантазией у дамы точно, того!» «Господи, с кем только на службе не приходится иметь дело!» «Чёрт знает что,

отвлекают от прямых обязанностей! А у нас, между прочим, серьёзная организация».

Но, несмотря на весь комизм ситуации, на хихоньки да хаханьки, они понимали, что от меня легко не отделаться. Нужно было как-то реагировать. Откашливались, возвращали голосам солидность, изгоняли легкомысленные ироничные нотки.

— Г-хм. А вы по соседям прошлись? (Прошлась). Не выяснили, чья машина? (Не выяснила). Г-хм. Понимаете, машину нельзя оставлять только под знаком «стоянка не запрещена». Под вашим окном, как мы понимаем, такой знак отсутствует. По закону мы не имеем права эвакуировать автомобиль. Это частная собственность.

Ничего себе дела. Всюду расклеивают инструкции и памятки. Граждан призывают быть бдительными и немедленно сигнализировать в органы о подозрительных предметах, оставленных сумках, забытых пакетах, подброшенных свёртках. А тут целую машину под окна огромного жилого дома «подбросили». Я шумела и возмущалась. Меня мягко и настойчиво, как невменяемую, увещевали:

— Вы всё-таки пройдитесь ещё раз по подъезду. Найдите хозяина, поговорите по-человечески, попросите убрать машину. Но если

он откажется — закон на его стороне.

Я положила трубку и задумалась. Посмотрела на себя в зеркало, оттянула веки. Может, я действительно впала в острую стадию паранойи? Вон, соседи, по которым я пробежалась, вели себя вполне адекватно. Даже когда я подводила их к окну, тыкала пальцем вниз, махала руками и красочно описывала, что со всеми нами произойдёт, если, не дай Бог...

Они спокойно выслушивали, с интересом выглядывали в окно, пожимали плечами, отводили туманные взоры... Мне кажется, они все как-то странно на меня посматривали. Не исключено, когда за мной закрывалась дверь, в квартире происходил следующий диалог:

— Кто это ненормальная?

— Да жиличка из 53-й. Раньше за ней такое не замечала.

Машину густо припорошило ранним снегом, и она ещё больше приобрела подозрительный диверсионный, замаскированный вид. А самое главное — к ней вели свежие следы! Кто-то подходил, топтался вокруг. Возможно, проверял целостность упаковки, не отсырела ли взрывчатая начинка, не перекрутились ли провода, не заело ли часовой механизм.

— Поздравляю, — сказал муж. — Ты начала

сходить с ума.

Когда ложились спать, я замялась и предложила мужу разложить в гостиной большой диван и лечь всем вместе: если что, так уж всем сразу. Муж тяжело вздохнул:

— Да почему ты решила, что именно в нашем городе, в нашем доме?! По теории вероятности...

— В Волгодонске тоже, наверно, рассчитывали на теорию вероятности.

С умалишёнными не стоит спорить: от этого они опасно возбуждаются и способны на непредсказуемые поступки. Легли спать втроём — к неопишуемой радости сынишки.

Всю ночь я не сомкнула глаз и последними словами ругала себя, что не ушли спать к родственникам. В половине третьего ночи (утра?) не выдержала. Тихонько встала и ушла в кухню с телефонным аппаратом, таща за собой волочащийся провод. Прикрыла дверь и стала набирать «02».

Конечно, наряд не приедет, но телефонные переговоры записываются. Утром милицейские начальники придут и на летучке прослушают наш диалог. И что-нибудь предпримут... Возможно.

Я пыталась дозвониться в дежурную часть сорок минут! Сорок минут шли короткие гудки. Что бы это могло значить? Я с негодованием отвергла мысль, что дежурный в это время просто снял трубку и от души покемарил. Либо всласть

поворковал с возлюбленной. Нет, я как раз наоборот думаю, он исповедал ночного кающегося правонарушителя и внушал заблудшей овце десять заповедей.

Наконец, телефон ответил. Подробно (который раз за сутки) я ввела дежурного в курс дела. Пообещала, что, если не будут приняты меры, завтра позвоню их начальству. А если оно не поможет — то в Москву. И, не дав вставить слова ошарашенному милиционеру, положила трубку.

На следующий день машина бесследно исчезла. То есть с момента моего обнаружения не прошло и суток. Службы сработали почти оперативно: умеют же, когда хотят.

Выяснилось вот что. Нижний, недавно поселившийся жилец по случаю, по дешёвке купил машину. А так как гаража у него не было, он решил уютно поставить её на зимовку под своим окошком. Он не мог предположить, что соседка сверху разовьёт такую бешеную деятельность.

Жилец не был злопамятен. И только при встречах почему-то невпопад называл меня «мадам террористка»(!)

— Ну чё, мадам террористка? Ещё кого-нибудь разоблачила?

Хорошо, что к тому времени Проханов не издал свой знаменитый роман. А то быть бы мне «госпожой Гексоген».

Я еду в автобусе. На остановке на переднюю площадку вскакивает спортивный юноша. Типичное, яркое выраженное лицо кавказской национальности.

Он явно нервничает: подрагивающими пальцами беспрестанно тычет в кнопки мобильного, прячет в карман, снова вынимает. То и дело окидывает пассажиров раздражённым, диким, сверкающим взором южных очей. Горящих фанатичным, мрачным чёрным огнём.

На нём объёмная курточка-дутьш. Под такой удобно перевозить взрывное устройство. Куртка чёрного цвета, разумеется. Он весь в чёрном.

Вдруг замер и бессмысленно уставился в окно, бормоча что-то на своём языке под нос. Молится, возможно, своему Аллаху. Снова вынул мобильник и напряжённо вглядывается в экранчик, прямо ест его глазами. Ждёт команды.

Явно не адекватное поведение. Вскочить с криком: «Граждане-товарищи!»? Во-первых, юноша-смертник от неожиданности вздрогнет и непроизвольно нажмёт красную кнопку. Во-вторых, меня же и обвинят: что мешаю гражданам-товарищам доехать: кому на работу, кому в поликлинику, кому в ЖЭК, кому в магазин за хлебом.

Тихонько протиснуться к выходу и

выпрыгнуть на остановке? Если успею, конечно.

Подло по отношению к другим пассажирам. Старушки едут, в больницах как раз приём начинается. Дети лепечут, их в садик везут. Протиснуться к водителю, шепнуть на ухо? «Ну и что, — скажет, — теперь из-за каждого кавказца тормозить? Не срывайте мне, гражданка, рейс, а то меня премиальных лишат».

Да и не очень протиснешься: народу битком. Террористы как раз такие часы выбирают, чтобы жертв было побольше. Блин, и сижу я, как назло, всех ближе к передней площадке. Соседка тётка придавила — не шевельнуться. С другой стороны, хорошо: по крайней мере, сразу... Ничего почувствовать не успею.

На очередной остановке в автобус впархивает светловолосая пухлая девушка. Смуглый юноша оборачивается к ней и сияет. Она протискивается к нему, они прижимаются друг к дружке. Она прячет голову ему под мышку, как цыплёнок — под крыло. Он нежно что-то ей говорит. И вовсе у него не страшное лицо, а очень даже симпатичное.

Через три остановки они выходят и проплывают мимо окошка, не размыкая объятий.

Итак, в очередной раз мышь родила гору страхов. Или гора страхов родила мышь.

Возвращаюсь к мудрым изречениям

«Бережёного Бог бережёт» и «Кто чего боится, с тем то и случается». Знаете, я считаю: всё-таки перевешивает первое. Вот как-то так.

ГОСПОЖА РЕКЛАМА

...На рынке покупатель, выбирая бананы, бормочет под нос:

— Нанан, нанан...

— Это же абрикос! — с готовностью подхватывает продавец. Всё: контакт родственных душ установлен.

...— Я из Германия прибыть! — приятным тенором блеет на пороге гость, вынимая из-за пазухи бутылку сорокаградусной. — Целебный капсул привозить!

Наш человек!

Что в нашей жизни есть реклама?

Реклама учит нас, что потные подмышки и мохнатые ноги — это плохо, а красить глаза и рот в стиле «вамп» — хорошо. Плохо: быть не женщиной, а посудомойкой, терпеть головную боль и изжогу, таять в руках, а не во рту, ощущать дискомфорт в области желудка. Хорошо: худеть во сне, подзаряжаться полезным йогуртом, говорить, есть и улыбаться уверенно, мыть полы и окна без разводов...

Кстати, о разводах. Лично знаю молодых, которые в медовый месяц развелись из-за неё, родимой — из-за рекламы.

Помните ролик, где муж и жена готовятся к приёму гостей? А раковина засорилась, а гости уже ломятся в дверь... Супруга не придумала ничего лучшего, как с размаху эффектно зашвырнуть пучком зелени в лицо мужа.

Насмотревшись вредного ролика и взяв его за стереотип, юная жена — не экранная, а реальная — в момент мелкой бытовой ссоры так же красиво, с оттяжкой, хлестнула по лицу молодожёна то ли петрушкой, то ли сельдереем.

А он оказался парень не промах (а может, ролик не смотрел) и в ответ жене засандалил тем, что под руку подвернулось: то ли сырым яйцом, то ли перечницей. Одним словом, развелись — не успел даже осыпаться мел с надписи в невестинном подъезде «Тили-тили-тесто»...

Нет, я ничего не имею против рекламы. Если сегодня и есть что на ТВ сработанного качественно, добротнo и профессионально — так это реклама. Слоганы из неё запоминаются, мурлычутся под нос, разбираются на цитаты, становятся — как мы уже убедились — путеводителем на сложных жизненных дорогах.

Рекламную денежку заказчик заставляет

отработать кровью и потом, до копейки.

Сколько дублей нужно снять, чтобы получился отточенный трепетный взмах ресниц, манящее дрожание уголка губ, блеск жемчужных зубок, приоткрытых ровно на столько, сколько нужно — и ни на миллиметр больше? И упаси бог, если глицериновая слезинка отклонится от строго заданной траектории на бархатной щёчке... На наших глазах рождается эксклюзив, шедевр, произведение искусства.

И вот мы наблюдаем на экране улыбку (зубная паста) — лёгкой и ослепительной. Взгляд (тушь для ресниц) — страстным и сексуальным. Тревогу (сердечное средство) — неподдельной. Детское агу (памперсы) — таким утипусеньким, что зритель готов не только кидаться закупать детскую смесь, но и немедленно заделывать самого ребёнка.

Самые благодарные зрители — это дети. Они обожают рекламу, бросают игрушки и буквально прилипают к экранам. Потому что в рекламе жизнь, *какая она должна быть.*

В рекламных паузах всегда голубое небо и солнышко, а если дождик — то весёлый и быстрый. Там все белозубо улыбаются, там жир с плиты убирается лёгким движением руки, там разрешают валяться в грязных носках на белом пушистом ковре и ласково окликают: «Сыщик!», поймав на воровстве конфет. И разбуженная мама ночью

спешит к малышу с воркующим: «Уже иду, малыш» —, а не с грязной бранью.

А ещё там молодые спортивные бабушка с дедушкой, и мама с папой не ругаются, а любят друг друга, детей целуют и называют «солнышко» и «принцесса». И всей дружной семьёй с лохматой собакой и кошкой в корзинке загружаются в блестящую машину и едут в горы, к морю...

А ещё печень в рекламе поблёскивает и переливается, как чистой воды бриллиант. Хотя, гм, дети пока не понимают про печень...

Лично у меня с рекламой не задались отношения самого начала. Шли перестроечные годы, мне заказали рекламный материал об одном промышленном предприятии. Я старалась, я расписывала белково-минеральные корма для хрюшек и бурёнок так, что потекли бы слюнки даже у знатока «Книги о вкусной и здоровой пище». Устало и гордо смахнув пот, сбросила шедевр по электронке, предвкушая лавры.

— Вы что, издеваетесь? — тихим, глубоким, дрожащим от обиды голосом сказал пресс-секретарь. Оказывается, пиарить нужно было не продукцию — а себя, любимых — руководство завода.

В следующие разы я уже была благоразумней и заранее уточняла: расхваливать ли качество

выпускаемой продукции или мудрое руководство предприятия.

Хотя, ну вы можете представить, чтобы в привычной рекламе, скажем, шампуня или дезодоранта, звучало что-то вроде:

«Последние годы коллектив компании «Гигиена населения» испытывал трудности с доставкой сырья. Но благодаря директору Пронькиной вопрос с поставщиками решён. Проведена реконструкция, привлечены квалифицированные кадры. Для сравнения, в прошлом году было выпущено 10 тысяч флаконов, а в этом году уже 50. Новые разработки... опробованные технологии... передовой опыт... производственные достижения... Д-р Пронькина как высококлассный специалист... Под неусыпным контролем д-ра Пронькиной...»

Причём Пронькину полагалось упомянуть не менее 14 раз, а её зама — не менее 10 (и не дай бог перепутать!)

Я-то думала, покупателю нужен товар, а не нудное повествование о финансовых вложениях, капремонте, трудовой дисциплине и блестящих результатах. Блестящий результат — когда заботятся о том, чтобы сделать, а не о том, чтобы показать.

Впрочем, показать тоже нужно было уметь угодить.

— Как-то у вас простенько, легковесно написано. Ну что это: «люди» — не солидно звучит. Надо писать: «население». «Съели» — это любой дурак напишет. Нужно серьёзно, весомо: «потребители». Не «дело» — а «мероприятие». Не «вкусно» — а «имеют высокие пищевые показатели». Эх, учи вас, молодёжь!

Знали бы, что перед ними будущая звезда рекламного бизнеса! Именно в те дни мы со знакомым телеоператором отправили в столичное рекламное агентство плёнку с рекламой автомобиля. Не важно какого — кто больше заплатит — тому автопроизводителю и продадим. Мы были молоды, наивны и глупы до безобразия.

Оператор снимал собственный скачущий по ухабам старенький «форд», а я за кадром с томными нотками актёра Ивашова-Печорина декламировала:

*— Много красавиц в
аулах у нас,
Звёзды мерцают во
мраке их глаз.
Сладко любить их,
завидная доля.
Но веселей
молодецкая воля.*

Грациозную, робкую красавицу изображала девушка оператора. Ради такого случая она перекрасилась из блондинки в жгучую брюнетку, приклеила смоляные ресницы, отбрасывающие тени на щёки.

Вообще-то она играла роль не горянки, а девицы в автосалоне (гараже). Она была в чадре и длинной юбке, но с голым животиком. Она им бешено вращала и вообще вытворяла чёрт знает что, всячески охмуря джигита-покупателя. И он, вроде, уже поддался её чарам...

Но тут, не отводя демонического взгляда от ее глаз, он сдёргивал покрывало с автомобиля (семь метров копеечной скользкой подкладочной ткани, стекающей с машины эффектными струями), усаживался за руль и лихо выезжал из салона (гаража). Грустная красавица оставалась с носом (грациозный силуэт на фоне заката, в клубах пыли).

И дальше:

— *Золото купит
четыре жены,
Конь же лихой не
имеет цены.
Он и от вихря в
степи не отстанет,
Он не изменит, он не*

обманет...

Гнедой конь с развевающейся гривой прыдал ушами, косил огненным глазом, поводил крутыми, блестящими от пота боками... На самом деле это была перепуганная молодая колхозная кобылка, которую хорошенько нахлестали.

На экране конь перевоплощался в лакированный шоколадный автомобиль в шлейфе бензинового дыма и пыли... Автомобиль — обратно в коня...

Возбуждённый джигит в развевающейся бурке и сбитой набекрень папахе соответственно, становился импозантным, невозмутимым набриолиненным господином в строгом костюме. И тем и другим согласился быть конюх — и не за пошлые поллитра, а исключительно из любви к искусству. Это было что-то!

— А наследники Лермонтова нам иск не впарят? — беспокоился оператор. Он мысленно делил будущие бешеные гонорары на нас троих с девушкой (бессребреник конюх не в счёт). И глубоко сожалел, что не выторговал больше: мне-то только принадлежала идея и голос за кадром, девушка лишь крутила задком и строила глазки. А на нём лежали съёмки, монтаж, эффекты, компьютерная графика и прочие сложные операторские штуки.

— А они живы, наследники? — неуверенно отбивалась я.

Впрочем, это было неважно, потому что ответа из агентства мы так и не дождались.

Ещё, было дело, я писала о лазерной коррекции зрения. Тогда она была в новинку, я согласилась быть подопытным кроликом. Условие: мне делают операцию в полцены, а я делаю рекламу.

К тому времени быть близорукой мне порядком надоело. В мою сторону хмуро косился начальник. Ему казалось, что я не здороваюсь с ним не оттого, что стесняюсь носить очки, а из личного глубокого неуважения. В магазине я покупала изящную вещицу, которая дома при ближайшем рассмотрении оказывалась грубой, безвкусной и дефективной.

На дороге именно на меня мчался выросший точно из-под земли автомобиль. Перед моим носом падала с крыши метровая сосулька, я чудом не улетала в открытые люки... Итак, мне не светила служебная карьера, фатально не везло в бытовых мелочах, а мои здоровье и жизнь ежеминутно висели на волоске.

Да и хорошие очки стоили целое состояние, включая аксессуары: футляры, цепочки, замшу для протирания стёкол и пр. К тому же очки имели

свойство теряться всюду, где только возможно, и обнаруживаться с печальным хрустом в кресле, в которое я садилась, или даже почему-то в тапке, который я утром надевала.

Потеря очков — это всегда была трагедия, катастрофа. Поэтому каждый очкарик со стажем (к которым я относилась) имел их в запасе штуки три, не меньше.

Да, была ещё эра контактных линз. В первое время, чтобы вставить их в глаза, я просыпалась за два часа до будильника. Усаживалась перед зеркалом, пыхла, ойкала, постанывала, проклинала всё на свете, в изнеможении откидывалась на спинку стула... Отдыхала — и снова возобновляла экзекуцию.

Две прозрачные выпуклые (не дешёвые по тем временам, между прочим!) штучки благополучно почили на дне пузырька с физраствором. Впрочем, это было тоже давно: возможно, сегодня линзы можно снимать и надевать за секунды.

И вот — да здравствует оперативное вмешательство!

«Я беседую с доктором («Операция безболезненна, восстановительный период составляет 3–5 дней и протекает без болевых ощущений »). Мне закапывают в глаз обезболивающие капли (немножко жжёт),

обрабатывают операционную область спиртом (немножко щиплет), фиксируют глаз (немножко неприятно). Всего понемножку.

Каждое действие доктор предваряет мягким разъяснением, что собирается делать. Лицо покрывают стерильной салфеткой, я должна смотреть на точку успокаивающе зелёного цвета — и не волноваться, когда она исчезнет.

Вот и всё. Я выхожу на улицу, несколько растерянно озираюсь... Мне предстоит заново знакомиться с миром, не заключённым в толстое стекло и не ограниченным овальными, круглыми и квадратными оправами. Но это такое приятное знакомство!

И ни один встречный человек не скажет, что я только встала с операционного стола...»

Так строчила я, и всё было правдой, кроме... Кроме того, что я умалчивала. Что через полчаса после операции, едва кончилось действие обезболивающего — пришла дикая, несусветная, невыносимая боль. Ощущение было, что в глаз попала не то что соринка, не стёклышко даже — а огромный кусок стекла, который ворочался и вонзался в зрачок всё глубже.

Рыдая, вслепую перебегая дорогу, я добралась до автовокзала. Изъясняясь знаками, нечленораздельно что-то лепеча, кое-как купила билет и ехала, всю дорогу, обливаясь слезами и

подвывая в носовой платочек.

Не помню, как долетела до квартиры... Ворвалась, сметая по пути домашних, упала на кровать и дала волю слезам. Почти неделю жила в чёрных очках, как крот, с задёрнутыми шторами, с наброшенными поверх штор толстыми одеялами, не высывая на белый свет носа...

Вы думаете, мне позволили живописать мои страдания в рекламном материале? Объяснили: «Всё зависит от индивидуальной переносимости: кто-то плачет при одном слове «лук», кто-то его тазик начистит — и ничего. Вы относитесь к первым». Единственно, я выторговала уступку на уточнение: «Два дня мои глаза боялись солнечного света, и мешало лёгкое (!!) ощущение соринки».

С тех пор прошло много лет. Надеюсь, сегодня пациенты не сталкиваются с подобной проблемой.

Ещё нарисовался заманчивый проект: бизнесмен построил на берегу речки базу отдыха. Гостиница — теремок из оцилиндрованного бруса с верандой, банька, купальня, лодки для ловли рыбы.

И как-то упустили из виду, что в непосредственной близости располагаются две гигантские птицефабрики и посёлок с давно вышедшими из строя канализационными очистными. Не учли и розу ветров: 300 дней в году

ароматы отходов густо накрывали близлежащие территории, в том числе базу отдыха.

Приходилось ли вам бывать в деревенском сортире? Ну да, том самом: где стараешься не дышать, откуда выскакиваешь с вытаращенными глазами? От чьего запаха режет в носу и куда слетаются со всей округи большие зелёные мухи?

А теперь представьте уборную, куда ходит не одна человеческая семья, а тысячи? Добавьте к этому помётохранилище с отходами жизнедеятельности десятков тысяч кур — и вы получите фабричные очистные. Разница в том, что в деревенской уборной запах прихлопывается дверями. Здесь же невыносимая вонь разносилась километров на пять, а при хорошем ветре — на все 10 километров. Народ, как водится, матюкался, побряхтывал да терпел — он у нас и не такое терпит.

По слухам, на модернизацию очистных было отпущено то ли 45, то ли 450 миллионов рублей — не суть важно. После шоковых сердюковских миллиардов страна менее чем семизначные числа на слух не воспринимает.

Вот в таком милом уголке был построен из беленького душистого дерева гостиничный комплекс, что твоя игрушка.

Сам бизнесмен в этих местах не появлялся, доверив строительство управляющему.

Управляющий, когда усёк промах, помалкивал, справедливо опасаясь хозяйского гнева и полагаясь на русское «авось».

Строителям тем более было по барабану. Да и вряд ли они замечали посторонние запахи сквозь щекочущий ноздри, дразнящий, упоительный аромат 95-процентного дешёвого аптечного спирта. Флакончики из-под него густо усеивали место вокруг стройки.

Долго сказка сказывается, быстро дело делается. Бизнесмен нашёл для рекламы своей гостиницы частную газетку, газетка нашла меня. Я расписала гостиничный комплекс, что твоя игрушка — как это нередко бывает, не отходя от письменного стола.

Все были довольны: я получала наличные, газетное начальство — возможность несколько раз безвозмездно отдохнуть в райском уголке, бизнесмен — бесплатную рекламу и наплыв отдыхающих.

Пришёл знаменательный день. Чем ближе к райскому уголку подъезжали автомобили с гостями, тем подозрительнее гости крутили носами. Роза ветров в эти дни расположилась аккурат таким образом, что добраться от машин до гостевого домика можно было только короткими перебежками, прикрывая ладошкой рот и нос, подавляя рвотные позывы... Говорят,

велюрово-кожаные салоны машин потом сутки не могли проветрить.

Ну, что дальше... Дальше осталось подсчитывать убытки: управляющему — медицинские счета на лечение от нанесённых физических травм. Мне — не выплаченный гонорар. Газете — потраченные напрасно рекламные площади. Хуже всего пришлось бизнесмену: несмотря на всю его крутизну, спорить с гигантами птицеводческой отрасли и их сверхприбылями ему было слабо.

После чего я завязала с рекламой — навсегда.

АННА-ВАННА И ДРУГИЕ

Из дневника.

«Девочки на работе говорят:

— Анна Ивановна, вы влюбились!

Я ужасаюсь:

— Не выдумывайте, мне на пенсию скоро!

— Анна Ивановна, влюбленную женщину по глазам видно. В них поселяется по солнышку.

Неужели любовь — это тревога, когда его нет рядом? Ежечасные коротенькие телефонные переключки с одного конца города на другой:

— Как ты там?

— А ты?

Вечером в прихожей прижимаюсь к Ивану

всем телом, руками, губами. Он бормочет:

— Аннушка, дождь на улице, ты в халатике...

Простудишься.

После ужина у телевизора на диване свёртываюсь в комочек. Голову укладываю на его колени, чтобы ничто не мешало смотреть в его голубоватое от экранного свечения лицо, поблескивающее стеклышками очков. Знаю одно: умру в ту же минуту, если с Иваном что-нибудь случится.

Все пропало. Женя лежала в темноте с широко открытыми глазами. Светящиеся изумрудные стрелки на стенных часах издевательски показывали три часа ночи. Она не спала четвёртую ночь — с того дня, как получила от брата Ивана по почте приглашение на свадьбу. Два жирных голубка держали в клювах золотое обручальное кольцо в виде сердечка. В сердечке:

«Извещаем, что День бракосочетания состоится...»

Жене особо и справки не понадобилось наводить: у пожилой невесты по имени Анна не то, что квартиры, даже нормальной комнаты не было. Жила в бывшей коммунальной ванной. Хищница по имени Анна-Ванна.

Разумеется, приглашение было скомкано и раздавлено Жениным каблуком. Затем вторично

развернуто, разорвано на мелкие кусочки и оплётано. Сейчас оно лежало в мусорном ведре, погребённое под бытовыми отходами — там ему самое место.

— Все пропало, — громко сказала Женя.

Муж зашевелился, просыпаясь. Полежал, проникаясь Жениным состоянием. Нашарил в тумбочке пачку сигарет. Бросил раздражённо:

— Не ори, детей разбудишь.

Встал, привычно, ловко в тесной темноте огибая раскладушки и ширмы. У балконной двери попросил тоскливо:

— Хватит об этом. Психушкой ведь кончишь.

Все про-па-ло.

Из дневника.

«Какая жалость, что мы переехали в элитные хоромы Ивана. В моей ванной комнатке два на три метра мы даже физически не разлучались, постоянно нечаянно касаясь, задевая друг друга. Впервые зайдя ко мне, Иван изумился:

— Ты здесь живешь?! Без окна, без света, ног не вытянуть...

А зачем мне, одной, больше? Узкая софа, вязаный половичок на кафеле, столик складной, как в поезде.

Крошечное, уютное гнездышко, свитое в бывшей ванной в конце коридора коммунальной